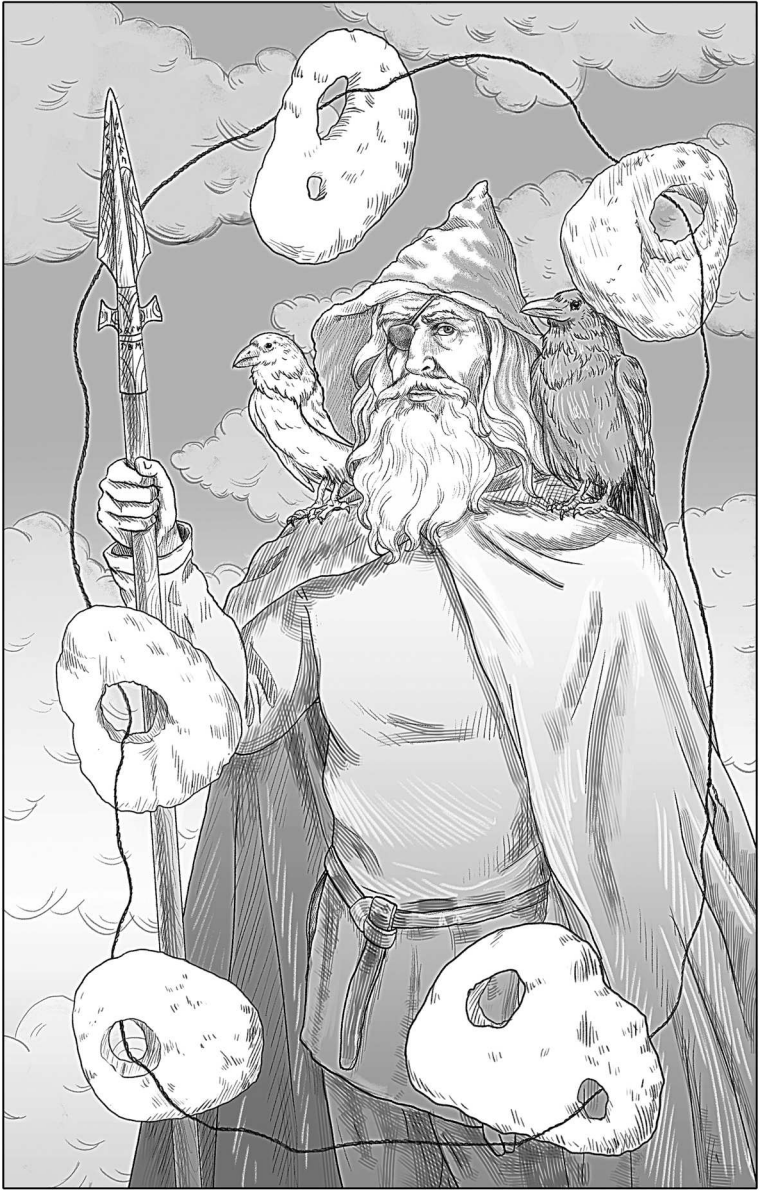


ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ведьманы камни  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы  
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари  
Гуннхильд, северная невеста  
Венец Прямиславы  
Тайна древлянской княгини  
МАЛУША. За краем Окольного  
МАЛУША. Пламя северных вод  
ПРЕКРАСА. Дар берегини  
ПРЕКРАСА. Последняя заря  
СВЕНЕЛЬД. Зов валькирий  
СВЕНЕЛЬД. Путь серебра  
СВЕНЕЛЬД. Хазарский меч  
СВЕНЕЛЬД. В полночь упадет звезда  
СВЕНЕЛЬД. Оружие вельвы  
СВЕНЕЛЬД. Янтарный след  
СВЕНЕЛЬД. Ворон Хольмгарда





Елизавета Дворецкая

# КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ВЕДЬМИНЫ КАМНИ



Москва 2025

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Нисмианы*

**Дворецкая, Елизавета.**

Д24 Княгиня Ольга. Ведьмины камни / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-210974-4

Неудача первого похода на греков поставила под угрозу власть Ингвара Киевского во всех подчиненных ему землях. Приехав в Хольмгард за помощью, Ингвар узнает, что Эйрик, правитель Мерямаа, отказывается платить дань. Но подчинять его силой сейчас не время.

Отыскивая средство повлиять на Эйрика, Ингвар обращает внимание на юную Хельгу по прозвищу Каменная — племянницу Эйрика, живущую в гостях у матери Ингвара, королевы Сванхейд.

Тем временем молодой вожак варягов-наемников Эскиль Тень решает завладеть сердцем Хельги и уговаривает ее бежать с ним в Киев. Но не так-то просто внушить любовь девушке, привыкшей высоко ценить себя — и имеющей защитников среди жителей Асгарда...

Продолжение романа «Княгиня Ольга. Зимний престол».

**УДК 821.161.1-312.9**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-210974-4 © Дворецкая Е., 2025  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

# Часть первая

## Глава 1

**К**оролева Сванхейд о многом хотела поговорить со своим двоюродным братом Эйриком — без веской причины женщина пятидесяти лет не пустится в далекое путешествие посреди зимы. Однако, увидев его, от изумления она растерялась и даже не ответила на приветствие.

— Ты тоже не помолодела, дорогая! — Эйрик прочел ее мысли по лицу, хотя Сванхейд славилась самообладанием, а он никогда не отличался особой проницательностью. — Мы ведь не виделись с тобой целых двадцать пять зим. Ну, может, двадцать четыре. Ты ведь не ждала, чтобы я остался прежним. Впрочем, я-то тебя сразу узнал. Ты меня поцелуешь или нужны достойные доверия свидетели, что я — это я?

— Где твои рыжие волосы, Эйрик? — пробормотала Сванхейд, делая несколько шагов ему навстречу, чтобы он мог ее поцеловать.

— Вон они, — Эйрик кивнул ей за спину. — Теперь живут у тебя.

Удивленная Сванхейд обернулась и обнаружила позади своего младшего сына Хакона по прозвищу Логи-Хакон<sup>1</sup>. В свои пятнадцать лет он начал быстро расти, и уже было видно, что будет он высоким, в материнскую родню. Рыжие волосы, довольно длинные, у него были пышнее и ярче, чем Сванхейд когда-то видела на голове его дяди Эйрика.

Увы, волосы Эйрика потускнели и поредели — ему пошел шестой десяток. Сванхейд запомнила его великаном, с крупны-

---

<sup>1</sup> Логи (др.-сканд.) — «огонь». (Здесь и далее примечания автора.)

ми чертами малоподвижного лица; несокрушимая уверенность в своей силе сказывалась в каждом его движении, во взгляде, в низком голосе. Теперь борода его была почти седой, лишь на щеках сквозь белизну просвечивала рыжина; он отяжелел, лицо покрылось морщинами. Уверенный взгляд приобрел задумчивость с оттенком глухой печали — Эйрик не хотел мириться с подступающей старостью, но понимал, что время его подвигов и славы миновало.

Эйрик не польстил сестре, сказав, что узнал ее сразу: Сванхейд, пожалуй, за те же двадцать пять лет изменилась меньше. Красотой лица она и в юности не отличалась, а морщины не скрывали выражения ума и силы, которым дышали ее суровые черты и голубые глаза. Родив одиннадцать детей, она сохранила худощавое сложение и завидное здоровье, которое и позволило ей пуститься в зимнюю дорогу вверх по реке Мсте, за пятнадцать дневных переходов на восток, к волоку между Мстой и Мерянской рекой<sup>1</sup>. Эйрик приехал на эту встречу с востока, с земли, называемой русами Меренланд, а собственными уроженцами — Мерямаа. Этими уроженцами он, с позволения Олава, конунга Хольмгарда, правил уже двадцать пять лет.

— Сожалею о твоём муже. — Выпустив Сванхейд из объятий, Эйрик почтительно склонил голову. Двадцать пять лет назад он ни перед кем не склонялся даже из вежливости. — Олав-конунг был разумный и достойный человек. Мы с ним хорошо поладили в свое время.

— И тем более жаль, что этот лад умер вместе с ним, — не удержалась Сванхейд, сразу переходя к делу.

— Заходи же, что мы стоим на холоде! — Эйрик, вышедший во двор встретить сестру, указал ей на дверь в дом.

Местом их встречи был Видимирь — довольно новый погост, поставленный по приказу Эйрика для постоя его дружины. Все двадцать пять лет он упорно расширял пределы подвластных ему земель, не только на восток, но и на запад, а этому Олав-конунг радовался куда меньше. По их давнему

---

<sup>1</sup> Мерянской рекой здесь называется водный маршрут, пролежавший по нескольким рекам (от притоков Мологи к Волге и далее по Волге на восток).

уговору, Эйрику полагалось продвигаться на восток по Мерянской реке, подчиняя и умирняя народы по ее берегам, чтобы обезопасить путь к Булгару и увеличить собираемую дань. Все это Эйрик делал как нельзя лучше, но одновременно продвигался и на запад, в области, населенные словенами, а те были собственными данниками Олава. Построив Видимирь, Эйрик почти вплотную подобрался к тем пределам, где собирал дань сам Олав — его сборщики доходили до Забителицкого погоста, в двух переходах от Видимиря на запад.

Забителицкий погост на Мсте был западной точкой волока — от него можно было плыть до Хольмгарда, а Видимирь — крайней восточной. Их разделяло около двух пеших переходов, не соединенных сплошным водным путем. Край этот был насыщен реками, озерами и болотами так густо, что передвигаться по нему было намного легче зимой, чем летом. Собственно волок по большей части проходил по мелким рекам и озерам, и лишь некоторые участки приходилось преодолевать по суше, волока лодьи на катках через настланные гати.

В озере Видимирь волок заканчивался: от него извилистая речка Ольховка вела в Песь, и здесь, по существу, начиналась Мерянская река, то есть водный путь к далекому Хазарскому морю. Для погоста Эйрик выбрал пригорок на берегу, откуда открывался широкий вид на озеро. Вал с частоколом поверху окружал широкую площадку с кольцом изб; здесь же был большой дом для постоя дружины, клети, кузница, навесы для лошадей. Одни ворота выходили в поле, другие, противоположные, — на берег озера. Постоянного населения здесь собралось около сотни человек, и городок окружали выпасы, огороды, пашни. Зимой здесь останавливались Эйриковы сборщики дани, перед тем как повернуть назад, на восток, а летом — торговцы, ездившие между Мерямаа и Хольмгардом.

Сванхейд со смесью неудовольствия и одобрения окидывала взглядом срубы из толстых сосновых бревен под крышами из дерна, озерного тростника и дранки. Ей нравилось, как хорошо здесь все устроено, но она не могла радоваться, что Эйрик так прочно обосновался в этом краю. Эйрик предложил встретиться в Видимире, и Сванхейд пришлось согласиться — на Забителицком погосте две дружины не смогли бы разместиться.

Эйрик же обещал ей и ее людям удобное пристанище — и не обманул.

Вступив вслед за братом в большой дом, Сванхейд с удовольствием увидела пылающий в длинном очаге, обложенном камнями, жаркий огонь.

— Мы приветствуем тебя, госпожа Сванхейд, под этим кровом! — раздался впереди звонкий молодой голос. — Да будут милостивы к тебе Скади и Улль, повелители зимних дорог, да защитит нас Тор, да согреют этот дом теплом Фрейр и Фрейя, и да пошлет вам, владыкам земель, мудрости Один для разрешения всех дел ко всеобщему довольству!

Речь эту произнесла уверенным и бойким голосом молоденькая девушка — лет пятнадцати, высокая ростом, с продолговатым умным лицом. Весь ее облик дышал таким ярким сочетанием телесной свежести, здоровья со зрелостью ума, что Сванхейд улыбнулась от недоверчивого восхищения. Девушка была одета хорошо, даже богато: платье тонкой светло-зеленой шерсти, орехово-коричневый хангерок, отделанный по верхнему краю шелковой красно-зеленой тесьмой, золоченые наплечные застежки, а между ними ожерелье из крупных зеленых и более мелких бусин золотого стекла. Русые волосы девушки были заплетены в длинную косу, к шелковому очелью крепилось на висках несколько крупных серебряных колец, а маленькие серебряные колечки были вставлены в уши. В Свеаланде такого не носили, кольца на очелье и в ушах были в обычае у мерян, а от них перешли к мерянской руси.

На шее девушки висело еще одно ожерелье, сделанное, как Сванхейд подумала по первому взгляду, из звериных зубов или косточек. Посчитав было это еще одним чудным мерянским обычаем, она вгляделась и подняла брови: это оказались не зубы, а камни. Пять камешков — белый, серый, красновато-бурый, черноватый, песчано-желтый. Величиной от ногтя на большом пальце женской руки до голубинового яйца, разных очертаний: одни почти круглые, другие продолговатые, а самый большой, красноватый, расположенный в середине, напоминал треугольник со сглаженными углами. Самый темный и впрямь походил на волчий зуб. Все их объединяло наличие отверстия, не высверленного, а от природы; через отверстия



был пропущен красный шерстяной шнурок, обвязанный так, чтобы камни не наезжали друг на друга.

В руках девушка держала серебряную чашу хазарской или болгарской работы и протягивала ее Сванхейд:

— Выпей, госпожа, это тебя согреет.

Сванхейд взяла чашу, вдохнула теплый запах — отвар целебных трав и ягод с медом.

— Чабрец и зверобой, да? — Потянув носом, Сванхейд подняла глаза на девушку. — И малина.

— Еще душица, малиновый лист, шиповник.

— А ты.. Это твоя дочь, Эйрик? — Сванхейд отпила из чаши, с удовольствием проглотила горячее душистое питье и взглянула на брата. — Которая?

Она знала, что у Эйрика семеро детей, из них три дочери, но знакома была только с тремя старшими сыновьями, разругой бывавшими в Хольмгарде.

— Это моя племянница. — Эйрик положил руку на плечо девушке. — То есть племянница Арнэйд, дочь ее брата, Арнора Камня. Ты, помнится, знала ее мать. Она тебе кланяется.

— Ее мать.. Снефрид? — Приближение старости не притупило памяти Сванхейд, и ее бледно-голубые глаза широко раскрылись под светлыми бровями. — Снефрид Серебряный Взор?

— Она тоже часто вспоминает тебя, госпожа. — Девушка открыто улыбнулась.

— О боги.. — Сванхейд отдала кому-то рядом чашу и бережно взяла девушку за локти, будто хотела получше рассмотреть. — Ты — дочь Снефрид.. Не скажу, что ты на нее похожа.. Не вижу здесь, какие у тебя глаза.. А может, и похожа.. Только не лицом.

— Лицом она похожа на своего родителя, а вот способностями пошла истинно в мать. — Эйрик еще раз похлопал девушку по плечу. — Потому я и взял ее с собой — чтобы не дала мне расхвораться по дороге.

Сванхейд уже отметила, что Эйрика мучает гулкий кашель.

— Как тебя зовут?

— Хельга, госпожа.

— Тебе подходит это имя, хоть ты и не из рода конунгов. — Сванхейд одобрительно кивнула. — А почему ты носишь эти камни? — Она показала глазами на ожерелье девушки.

— Это мои друзья, — улыбнулась Хельга. — Я с детства их собираю, и они приносят удачу.

— Они ведь называются «глаз Одина», помнится?

— И так, и еще «ведьмины камни».

— У меня, кажется, тоже есть такой.. В Хольмгарде. Я нашла его на берегу моря, еще когда ехала из Свеаланда, чтобы выйти за Олава-конунга.. О боги, как же это было давно! — Сванхейд засмеялась. — Я тогда была немногим старше тебя.

— Из-за этих камней у нас ее прозвали Каменная Хельга, — добавил Эйрик. — Мы решили, что она будет приветствовать тебя как хозяйка. Другой здесь все равно нет — Несветова жена умерла, а новой он пока не выбрал.

У Видимира имелся хозяин, и на этого человека королеве Сванхейд тоже было весьма любопытно взглянуть. В тот самый год, когда она семнадцатилетней девушкой приехала из Свеаланда в Хольмгард, чтобы выйти за Олава-конунга, другая жена, словенка, родила ему сына, но об этом в то время ни Сванхейд, ни даже сам Олав не знали. Сванхейд узнала о существовании этого мальчика, Несвета, почти десять лет спустя. Олав готов был признать его своим наследником, но эта опасная честь требовала, чтобы его отослали в Киев, в заложники союзнику Олава, Хельги Хитрому<sup>1</sup>. Тихонрава, мать мальчика, предпочла удержать сына при себе, и в Киев уехал сын Сванхейд, Ингвар. Он был на десять лет моложе Несвета, ему исполнилось всего четыре года, но Сванхейд знала: ее сын рожден стать конунгом, а для этого приходилось идти на риск, терпеть разлуку и тревогу.

Несвет, сын Тихонравы, одно время жил у Эйрика, на озере Неро. Там он и женился — довольно рано, в шестнадцать лет, — и лет десять спустя Эйрик доверил ему власть над волоком, что было большой честью и знаком высокого доверия. По матери Несвет происходил из знатного словенского рода, жившего севернее волока, и у словен пользовался уважением. Сейчас это был мужчина в расцвете сил — в начале четвертого десятка, — отец семейства и вожак собственной дружины, повелитель прилегающей округи. На нем лежала обязанность

---

<sup>1</sup> Хельги Хитрый, Хельги инн Витри — вероятно, так исходно звучало имя Олега Вещего на его родном языке.

поддерживать волок в порядке, защищать его и взимать с торговых людей пошлину в пользу Эйрика.

Сванхейд раньше с ним не встречалась и теперь с жадным любопытством взглянула на мужчину, который, как старший сын Олава, мог бы сейчас быть владыкой Хольмгарда. Не жалеет ли он, что мать решила выкупить его безопасностью отказом от власти, когда ему было всего четырнадцать? Сванхейд искала в нем сходство с Олавом, ее мужем, — и да, первый же взгляд сказал ей, что сходство есть: и в чертах, и в выражении, и в глазах. Средний рост, как у Олава, коренастое сложение, мощные широкие плечи с узловатыми мышцами придавали ему некое сходство с карлами-свартальвами. Волосы, борода и брови русые, с оттенком рыжины. Продолговатое овальное лицо. Прямой, довольно длинный нос, с островатым кончиком и широкими крыльями, когда Сванхейд взглянула Несвету прямо в лицо, привел ей на память подвески в виде торсхаммера, «молоточка Тора». Густые брови, образуя почти прямую линию, расходились от конца рукояти этого «молоточка», а усы такой же ровной скобкой огибали рот, вливаясь в небольшую ухоженную бородку. Взгляд из-под слегка нависших век был тверд и суров. Из него вышел бы неплохой конунг, невольно отметила Сванхейд, это истинный сын своего отца! Он наделен волей твердой, как железо, без чего не может быть толкового правителя.

Пока еще Несвет не сказал ни слова и в ответ на взгляд Сванхейд лишь слегка поклонился, скорее подтверждая сказанное Эйриком, чем выражая почтение.

— Такая хозяйка сделает честь любому дому, в который вступит, — с улыбкой, но весомо ответила Сванхейд, понимая, как много значит ее приговор.

Юная Хельга смотрела на нее с жадным любопытством, и не удивительно: не каждый день в этой глуши можно увидеть женщину королевского рода. Сванхейд происходила из Уппсалы, из потомков Бьёрна Железбокого<sup>1</sup>, и конунгом свеев сейчас был

---

<sup>1</sup> Бьёрн Железбокий — сын Рагнара Лодброка, основатель «династии Мунсё», которая правила в Швеции в этот период, сменив более древнюю династию Инглингов; однако с Инглингами они имели кровное родство.

ее племянник Бьёрн, вслед за ее дедом и отцом. Выйдя замуж, Сванхейд приобрела звание «дроттинг»<sup>1</sup>, как это называлось на языке свеев, которое и носила всю жизнь. Уже больше года, с тех пор как умер муж, Сванхейд безраздельно правила Гардами; все знали, что она-то и есть настоящий конунг Хольмгарда.

С сожалением Сванхейд отвела взгляд от девушки. Охотнее всего она посидела бы у очага и поболтала бы с дочерью Снефрид, отдыхая после дороги. Но привели ее сюда совсем иные заботы, и упускать их из виду Сванхейд не могла.

— Мы не будем сейчас говорить о делах. — Эйрик снова как будто прочел ее мысли. — Отдохни, королева. Как бы ты ни спешила назад, несколько дней ты здесь пробудешь, и мы все успеем обсудить.

— Я не очень спешу назад. В Хольмгарде остался мой сын Тородд, второй по старшинству. Он разумный человек, я на него во всем полагаюсь.

— Но он не признан конунгом? — в первый раз подал голос Несвет. — Его не возвели на престол Олава?

Он задал этот вопрос на русском языке, и хотя по выговору было слышно, что этот язык ему не родной, Несвет владел им вполне свободно — благодаря тому что около десяти лет прожил в доме Эйрика.

— Я могу говорить с тобой на славянском языке, — предложила Сванхейд, — если тебе так легче.

Она знала, что Несвет вырос среди славян, в родных местах своей матери, и до переселения на озеро Неро не слышал ни одного русского слова.

— Я понимаю русскую речь. Твой второй сын признан конунгом в Хольмгарде?

— Нет, я же объяснила. — Сванхейд перевела взгляд на Эйрика: — Я объясняла твоим людям: мой старший сын Ингвар теперь владеет всеми землями, которыми владели его отец и Хельги Хитрый...

— погоди! — Эйрик движением руки остановил ее. Он видел, что, хотя Сванхейд сохраняет внешнее спокойствие, глаза ее засверкали от вспыхнувшего в сердце огня. — Я буду считать себя

---

<sup>1</sup> Королева (др.-сканд.).

очень невежливым человеком, если стану мучить женщину разговором о делах, не дав ей отогреться и поесть. Лучше скажи, хочешь ли ты сходить в баню? Там уже топят, Хельга тебя проводит.

Хельга взглянула на юного Логи за спиной у Сванхейд и приветливо ему улыбнулась.

\* \* \*

В хозяйстве Несвет знал толк, это с первых шагов бросалось в глаза. Ему Сванхейд была обязана тем, что в большом дружинном доме к приезду знатных гостей натопили, что все содержалось в порядке, крыша не текла, из щелей не дуло, плесенью и гнилью не пахло, как в тех погостах, которые посещаются один раз в году на пару дней. Эйрик и его дружина, ожидая Сванхейд, жили здесь уже два или три дня. На широком спальном помосте вдоль стены для Сванхейд приготовили удобное место близ очага, с тюфяком, набитым новым, свежим пухом рогоза, а стену завесили большой медвежьей шкурой, ограждая от дыхания внешней стужи. На помосте лежали продолговатые подушки, обшитые куньим мехом, — в Свеаланде, на родине Сванхейд, такой роскошью пользовались только конунги, но здесь, в Мерямаа, куницы были намного дешевле. Собственно, ради обилия пушного зверя, чьи шкурки можно с большой выгодой продавать за моря, выходцы из Свеаланда, Готланда, Аландских островов и прокладывали сюда пути в последние почти двести лет.

В бане Сванхейд не требовалась помощь Хельги — она привезла трех собственных служанок, и Хельга только показала им, где что, а потом вернулась в дом. У очага хлопотали Несветовы челядинки, жарили мясо, варили кашу и похлебку для пира в честь встречи Эйрика и его знатной сестры. Хельга оглядела дом, отыскивая дядю и Несвета. Однако их здесь не оказалось, только юный Логи вскинул на нее смущенный взгляд. Хельга улыбнулась ему и ушла в Несветову избу, не сомневаясь, что ее дядя там.

— Сам видел — у нее не так уж много людей с собой, — услышала Хельга голос Несвета, когда почти неслышно скользнула в приоткрытую дверь.

— Это ничего не значит, — невозмутимо ответил Эйрик. — Даже если бы при ней было только две бабы, она здесь в такой же безопасности, как у себя дома в Хольмгарде.

— Считаешь себя бессмертным? — Несвет наклонился над столом, опираясь на него ладонями, к сидящему с другой стороны Эйрику.

— Я считаю себя честным человеком королевского рода. И я никогда не пойду на предательство, тем более когда речь идет о моей сестре. Никто ее здесь не тронет. Так и запомни.

— Не забывай: я родом не хуже, чем ты! — с напором ответил Несвет. — Олав-конунг был моим отцом, этого даже она не оспаривает! И я родился от такого же законного брака, как ее сыновья.

— Не очень-то красиво замышлять насилие к жене своего отца. Именно потому, что ты от законного брака. Такая подлость, знаешь ли, пристала бы какому-нибудь...

— Эйрик! — Несвет перебил его, и трепещущие от негодования ноздри как никогда ясно придали его носу сходство с «молоточком Тора». — Хоть ты и конунг, но оскорбления я не стерплю и от тебя! Ты у меня в доме!

— Тогда не замышляй дел, которые не сделают чести благородному человеку. Сванхейд ведь не пыталась тебя убить или взять в заложники. И она, кстати, тоже гостя в твоём доме. Если ты попытаешься ее захватить, сам Одноглазый придет посмотреть на тебя, но едва ли это принесет тебе счастье.

— Откуда ты знаешь, что она замышляла? — Несвет, выращенный родичами матери, почитал словенских богов и намек на Одина пропустил мимо ушей. — Или замышляет теперь? Из-за нее я был отвергнут моим отцом! Я мог бы уже две зимы править в Хольмгарде, если бы не она! Но теперь она угрожает тебе, Эйрик! Пусть тебе плевать на меня, но почему ты не хочешь позаботиться о себе и о доле своих детей? Может быть, она приехала сюда, ища *твоей* гибели!

— О себе я позабочусь без твоих советов! — Эйрик слегка нахмурился. — Не забывайся, Несвет. К тому же мы еще не знаем, с чем она приехала. Может быть, все получится уладить миром.

— Миром? Между вами — может быть. А что получу я — вот это озеро с лягушками? — Несвет махнул рукой в ту сторону, где лежало озеро Видимирь. — Два болота ближних?

— А ты хотел бы стол в Хольмгарде? — Эйрик прищурился чуть насмешливо.

— Я имею на это право, я — самый старший сын моего отца! Свандры сын, который занял мое место, сам отказался от Хольмгарда. Ты должен поговорить с ней, Эйрик. Может, она уже осознала, что такую власть бабе не удержать, что здесь мужик нужен!

— Я и приехал, чтобы с ней поговорить. — Эйрик на миг опустил веки.

Но Хельга, хорошо знавшая своего дядю, понимала: сколько бы Несвет ни бушевал, он не заставит Эйрика ни на волос отступить от его собственных намерений. Эйрик и к старости сохранил свое упрямство, которое было так же невозможно сокрушить, как передвинуть скалу. И Несвет, и Сванхейд хотели именно этого — передвинуть скалу, только в разные стороны. Обычную скалу они толкали бы навстречу друг другу и оба не преуспели. С Эйриком будет то же самое: никто не преуспеет, потому что у него есть другой, более уважаемый советчик. Сам Один, с которым Эйрик водит близкую дружбу с отрочества.

— Ну, что там старуха? — шепнул голос рядом с Хельгой. — Отвела ты ее в баню? Вот было б лихо, если б она там взяла и сгорела!

Повернув голову, Хельга обнаружила неслышно подошедшего отрока — это был первенец Несвета, Видимир, на год старше ее. Несвет приехал сюда как раз в то лето, когда его сыну исполнилось семь и того передали от няnek на воспитание дядьке; на радостях Несвет назвал погост именем сына, а не собственным. Это был парень среднего роста — одного роста с Хельгой, довольно красивый лицом: светло-карие, медово-янтарные глаза, правильные черты, безупречно прямой нос, русые волосы красивыми волнами над высоким лбом. С Хельгой они несколько раз встречались и ранее: Несвет нередко брал наследника с собой, когда Эйрик приглашал его в Озерный Дом на пиры Зимних Ночей, Середины Зимы или Дисатинга.

— Тебе стоит говорить о ней почтительнее! — Хельга строго взглянула на Видимира. — Госпожа Сванхейд — королевского рода и королева!

Перед этой поездкой Хельга выпросила у матери все, что та могла рассказать о сестре Эйрика, но несколько опасалась